

Н. Д. Борщик

МЕСТНЫЙ УЧЕТ НАСЕЛЕНИЯ В XVII—XIX вв.

По материалам Курского края

Рассматривается состояние учета населения в Курском крае на местном уровне с привлечением собственных служащих на протяжении XVII—XIX вв. Показана эволюция подсчета курян начиная с кадастровых описаний XVII столетия и заканчивая земскими подворными переписями XIX в. Сделана попытка выяснить степень достоверности результатов местных обследований методом сравнения с итогами общегосударственных переписей.

Государство заинтересовано в своевременном поступлении полных и достоверных данных о населении, так как комплекс этих сведений служит не только для характеристики его современного состояния, но и является основой для прогнозирования его будущего развития, а поэтому сочетание исторического опыта и современных возможностей позволит улучшить сбор и обработку информации, имеющую большое значение для развития общества.

Наиболее известным и полным источником сведений о населении страны являются всеобщие переписи, дающие обширную и разнообразную информацию обо всем народонаселении, которым, как правило, предшествует сложная подготовительная работа. От ее успешного проведения зависят результаты переписи, их достоверность и возможность использования.

Проблемы точности и полноты сведений о российском населении XVII—XIX вв. достаточно дискуссионны, исследователями высказываются полярные точки зрения в этом отношении — от полного неприятия цифровых итогов до признания необходимости их изучения как вполне «приемлемого объекта статистической обработки» [см.: Лаппо-Данилевский, 1890, 209; Милов, 1986, 48]. Отметим, что авторы рассматривали результаты только общегосударственных учетов — поземельных и подворных описаний, ревизий, первой всеобщей переписи 1897 г. Вопросы организации местных учетов населения, достоверности их дан-

ных в отечественной историографии затрагивались эпизодически, специальных трудов немного [Гозулов, 1941], а Курский край достаточно редко выступает как самостоятельный объект исследования.

Описания земель и населения известны в России с давних времен. По летописным данным они носили имущественный (кадастровый) характер, население же регистрировалось от случая к случаю. Вплоть до начала XVII в. общерусских переписей населения не проводилось, хотя в различных документах имеются сведения о проведенных народоисчислениях в отдельных землях. Другими словами, изначально учеты населения имели локальный характер и осуществлялись по инициативе местных властей собственными силами.

В XVI—XVII вв. в состав Московского царства вошли новые территории, что обусловило начало активного колонизационного движения и значительные перемещения населения. В это время стали производиться переписи по новому образцу, превратившись в систематически проводимые мероприятия общегосударственного характера. С середины 20-х гг. повсеместно началось валовое описание земель, с 40-х гг. XVII в. — подворные переписи населения, которые оставались господствующими на протяжении столетия — до перехода в 20-е гг. XVIII в. на систему подушного обложения.

Несмотря на дважды проведенный учет населения в рамках общегосударственных подворных переписей (40-е и 70-е гг. XVII в.), местные власти делали попытки собственными силами посчитать подвластное им население. Есть несколько объяснений данному факту. Самая очевидная причина — быстрое устаревание итогов предыдущего обследования. Во время проведения переписей писцы занимались обмером и межеванием земельных угодий, проверкой прав на владение землей, разбором судебных дел о спорных территориях. Материалы этих описаний стали рассматриваться как документы, которые удостоверяли права на землю и зависимое население. На основании данных переписей составлялись писцовые книги, ставшие основой для установления размеров налогообложения для податных категорий населения.

В результате активного переселенческого движения из центральных регионов страны на южные порубежные территории, к которым в XVII в. относился и Курский край, среди новоселов постоянно возникали спорные ситуации из-за земельных участков, причем писцовые и переписные книги, к которым обращались конфликтующие стороны, не всегда могли решить проблему ввиду несоответствия данных реальному положению дел.

Вторая причина, на наш взгляд, кроется в особенностях проведения писцовых описаний. Организацию переписи населения в XVII в. проводил Поместный приказ. В основу учета жителей любого города или уезда всегда был положен царский указ о назначении «переписчиков». Указ одновременно являлся и своеобразной «инструкцией» для переписчиков, где особо оговаривалось, какие именно категории населения подлежат учету. Как правило, в отдельные местности посылались два человека: собственно писец и подьячий. Если территория была достаточно обширной, могли быть назначены два писца, один из которых был «главным», или

«большим». В качестве писцов выступали дворяне, иногда московские, в некоторых случаях — местные, нередко с княжеским титулом [см.: Лаппо-Данилевский, 1890, 195].

После приезда в описываемую местность писцы получали от представителей посадских и крестьянских общин, от владельцев поместий и вотчин или их «прикащиков» с к а з к и — сведения о размерах земли, о числе дворов и тяглого населения. В сказках указывалось только мужское население и дворовладельцы. Для проверки сказок предусматривалась выдача писцам так называемых приправочных документов — списков населенных мест, выписей из старых писцовых книг и других документов [см.: Борщик, 2007, 7—18].

В Поместном приказе от писцов требовали проверки всех сведений на местах с оглашением на собраниях и сходах местных жителей данных, заносимых в переписные книги, т. е. переписчик должен был лично объехать весь уезд, опросить всех жителей, проверить правильность и полноту сведений, занесенных в сказки и приправочные книги. На практике далеко не все писцы столь добросовестно относились к своим обязанностям. Известно множество случаев, когда писцы выполняли свою работу небрежно, и тогда их посылали еще раз для уточнения собранных сведений [см.: Шмелев, 1897]. В историографии отмечены примеры критического отношения к деятельности писцов, подчеркиваются их «уловки, невежество и злонамеренность» [Лаппо-Данилевский, 1890, 213]. Поэтому неудивительным было недоверие местных чиновников к результатам правительственных писцовых описаний.

Кроме того, все материалы проведенного обследования отсылались в Москву, на местах редко оставались даже черновики, что также не устраивало местные власти и вынуждало их отправлять своих служащих в столицу делать копии (списки) с переписных книг. Например, известно, что копия переписной книги города Воронежа 1714 г. была сделана в 1788 г. по указу Воронежского наместнического правления, для чего «в экспедицию» в Москву был специально отправлен писец [см.: Комолов, 2004, 70—80], а список курской переписной книги 1678 г. был сделан в 1709 г. по указу Петра I [см.: Позняков, 1932, 26].

С. Ларионов в своем сочинении, посвященном истории города Курска «с самого его начала» и «всех в нем знаменитых происшествиях, до сих пор случившихся», сообщил о первом описании Курского уезда: «В 1600 году воевода был Андрей Замыцкой, голова Плакида Чичерин, и были писцы, которые описывали все селения Курска и дачи, что за кем состояло; Алексей Федорович Зиновьев да подъячей Яков Акакеев» [Ларионов, 1786, 2]. Это описание явно состоялось по инициативе местных властей. По сведениям С. Ларионова, в XVII в. неоднократно проводились учеты земельного фонда и населения собственно Курска, что нашло подтверждение в других источниках [см.: Борщик, 2007, 7—18]. Относительно малоизвестна даже для региональных историков местная перепись курян и межевание земель 7148 (1640) г., материалы которой только начали изучаться [см.: ГАКО, ф. Р-967].

В 2007 г. была подготовлена к изданию и опубликована Курская переписная книга 1678 г., сохранившаяся в виде фрагмента (31 л.), а также ее более поздняя

копия XVIII в., но в лучшем состоянии и большем объеме. Это была в своем роде первая публикация, относящаяся непосредственно к Курску, так как долгое время считалось, что курские переписные книги не сохранились; высказывались даже предположения, что общегосударственные переписи в Курском крае не проводились совсем [см. об этом: Борщик, 2006, 24—30].

Для решения вопроса о численности горожан на момент переписи нами были привлечены не только сведения сохранившихся фрагментов подлинника и списка XVIII в., но и были привлечены цифровые показатели местной описи города, которая состоялась в 1678 г. по наказу Разрядного приказа [Дополнения..., 1875, 219]. Согласно «Отписке и по книгам из Курска боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского» в Курске насчитали 590 дворян и детей боярских, 412 посадских людей, 186 стрельцов, 124 казака и пр. Всего на момент переписи с учетом родственников перечисленных категорий в Курске проживало 2 888 мужчин, из которых 1 253 относились к посадскому населению.

В подлиннике переписной книги 1678 г. по городу Курску учтено 348 дворов, из них посадских 340, подъячих 3, пустых 5. В них проживало 1 042 чел., 1 039 — посадских, 3 подъячих (в переписные книги записывались только мужчины). По списку XVIII в. было учтено 620 дворов, из них пустых 5. Всего живущих людей 1 804 чел., из них 7 подъячих. Кроме того, в списке есть имена 2 умерших и 14 имен владельцев дворов, где жили другие люди.

Сведения, полученные в результате местных обследований, могут быть и более точными (собирались для собственных нужд!), а также дать дополнительный материал о населении. В. Н. Глазьев, оценивая «полноту и точность писцовых материалов» переписи Воронежского уезда 1646 г., привлек данные местной переписи, состоявшейся в 1648 г. по коллективной челобитной воронежских служилых и посадских людей, и сделал вывод о том, что ошибки писцов «не могли быть крупными», потому что всем (в том числе и переписчикам — местным уездным помещикам!) было важно получить реальные цифры количества жителей, напрямую связанных с уплатой налогов (больше дворов — меньше сумма платежа) [см.: Переписная книга..., 1998]. Таким образом, если писцы, присылаемые из Москвы, никак не были заинтересованы в достоверности сообщаемых ими сведений, то для местных переписчиков полнота данных означала более справедливую раскладку тягла — налоговых выплат.

При пересмотре налоговой политики в начале XVIII в. перешли к подушному обложению, единицей которого была мужская душа. Подушные переписи стали называть ревизиями податного населения в России, а подушные списки — ре-визскими сказками. Всего было проведено десять ревизий: первая — в 1719—1727 гг., десятая — в 1857—1860 гг. [см. об этом: Анисимов, 1982]. Ревизии, часто называемые народными переписями, были единственным источником сведений о населении страны на протяжении почти полутора веков.

Общее руководство проведением ревизий осуществлял Сенат, а последних трех (1833, 1850, 1857) — Министерство финансов. Сбор данных о населении Российской империи во время первой ревизии был возложен на армию; переписчики были

обязаны переписать лиц мужского пола от стариков до младенцев. В дальнейшем проведение ревизий заключалось в том, что на особо уполномоченных лиц или на помещиков возлагались обязанности подавать к известному сроку сведения о числе податных душ в своей местности. Сроки подачи этих сведений определялись сначала несколькими месяцами, затем, в силу необходимости, давались отсрочки до года и более. Подобный способ собирания сведений о населении империи приводил к тому, что ревизии не только не могли дать общие цифры, более-менее приближенные к действительности, но даже не удовлетворяли прямому своему назначению — определению численности податного сословия. Они не охватывали всего населения и всей территории, учитывали только отдельные сословные группы, пол и возраст опрашиваемых.

Именно в это время начался местный учет населения, осуществляемый церковью (регистрация рождений, браков, смертей) и ведущийся в каждом приходе. Велось также церковные списки населения, содержащие сведения о возрасте, поле и сословии прихожан. Часто эти списки были неполными, включали только православных, но могли дать достаточно подробные сведения о населении отдельных населенных пунктов Европейской России, где большинство жителей являлось православными христианами. В некоторых губерниях, в том числе и в Курской, местные власти постоянно обращались к результатам церковной статистики населения, даже издавали эти данные. В Курской губернии в 1903 г. вышел обобщающий труд «Общие итоги движения православного населения Курской губернии по церковным приходам за 19 лет (1882—1900 гг.)», где содержались цифровые показатели изменения численности курян по 15 уездам [Санитарное состояние..., 1903].

В 60-е гг. XIX в. в отдельных городах и даже целых губерниях Российской империи начали проводиться учеты населения низовыми статистическими учреждениями — губернскими (областными) статистическими комитетами. Они имели целью подготовиться к первой всеобщей переписи населения, которую планировалось провести на научной основе, отработать механизм взаимодействия всех участвующих в этом мероприятии учреждений и ведомств. Инициатором проведения выступил Центральный статистический комитет, а все организационные моменты возлагались на местную статслужбу. Наиболее крупными были переписи населения в Санкт-Петербурге (1861, 1862, 1864, 1869, 1881) и Москве (1871 и 1882). Опыт проведения этих переписей оказал весьма существенное положительное влияние на подготовку всеобщей переписи населения Российской империи [см.: Гозулов, 1941, 249—307].

Отметим, что большая часть проведенных тогда местных учетов населения представляла собой казенные полицейские «народосчисления», при которых у домохозяев просто собирали сведения о числе даже не проживающих, а прописанных в их домах жителей. Таких местных переписей было проведено не менее 200 в разных городах европейской части России и отдельных местностях, но материалы многих из них не были опубликованы; о некоторых неизвестно ничего, кроме года переписи.

В Курске проведение первой и единственной однодневной переписи населения было намечено на 27 марта 1865 г. В Курском губернском статистическом комитете эту дату посчитали самой благоприятной, так как новый сельскохозяйственный сезон еще не был начат, но в его преддверии многие куряне, чей основной доход составляло занятие сельским хозяйством, находились по месту жительства.

Курск разделили на отдельные переписные участки и на каждом закрепили главного исполнителя. Помимо городских жителей, в программу однодневной переписи было включено население пригородных слобод — Ямской, Стрелецкой, Казацкой и Пушкарной [см.: ГАКО, ф. 4].

Сама процедура переписи проходила без участия полиции. Переписчики сами приносили и собирали переписные листы, а в «сношения вступали» только с домовладельцами и их поверенными, в квартиры входили только в случае крайней необходимости. Всего в курской переписи 1865 г. было задействовано около 50 человек: чиновники, служащие, частные лица.

Сведения, полученные в ходе местной переписи населения 1865 г., были опубликованы во втором выпуске «Трудов Курского статистического комитета», к которым неоднократно обращались историки и краеведы. По данным переписи 1865 г. в Курске и пригородных слободах проживало 55 192 человека, из них 29 130 мужчин и 26 062 женщины. В губернском центре насчитали 37 321 человек, из них 20 030 мужчин и 17 291 женщину.

Численность населения по слободам распределялась следующим образом. Самой многочисленной являлась Ямская слобода, где проживало 6 542 человека, из которых было около 3, 5 тыс. мужчин и 3 тыс. женщин. В Стрелецкой слободе было зарегистрировано 4 743 жителя, причем количество мужчин и женщин было примерно одинаковым. А в слободах Казацкой и Пушкарной наблюдалось незначительное преобладание женщин: из 5 899 жителей Казацкой слободы 3 033 были женщинами, из 687 жителей Пушкарной слободы — 366 женщин. Преобладание мужчин среди городского населения можно объяснить наличием в Курске воинского гарнизона и поиском крестьянами в городе дополнительного заработка.

Программа курской переписи 1865 г. предусматривала сбор сведений о национальной и религиозной принадлежности. Среди курян подавляющее большинство жителей были «русской народности» — 36 104 чел. Поляками считали себя 776 чел., немцами — 241 чел., евреями — 91 чел, цыганами — 36 чел., татарами — 28 чел. Представителей следующих перечисленных национальностей было зарегистрировано менее десяти человек: французы, англичане, итальянцы, греки, шведы, швейцарцы, венгры, молдаване.

Религиозный состав населения города Курска тоже не отличался разнообразием: православными христианами были 35 740 чел., католиков насчитали 805 чел., иудеев 84 чел. и магометан 32 чел. Интересно, что среди магометан не было ни одной женщины, среди иудеев только 16, среди католиков — 101. Около 400 курян считали себя «единоверами» или «раскольниками».

К местным обследованиям населения, земель и имущества можно отнести и земские подворные переписи, которые в конце XIX — начале XX в.

были осуществлены в 311 уездах Европейской России. В 60 из них они проводились два раза, а в 17 — три. Первая земская подворная перепись, охватившая целый уезд, была произведена В. И. Орловым в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии в 1880 г., последние проводились в 1914 г. и были прекращены в связи с началом войны. Но подворные переписи в более мелких масштабах проводились и ранее, например в 1875 г., когда Н. Н. Романов описал несколько селений Орловского уезда [Земские подворные переписи ..., 1926].

На государственном уровне аналогичных обследований не проводилось, поэтому результаты земских учетов являются чуть ли не единственным источником достоверных сведений о численности крестьян и состоянии их хозяйства на рубеже XIX—XX вв.

Мысль о проведении подобного исследования Курской губернии в земстве возникла еще в начале 1880-х гг., когда было учреждено земское статистическое бюро. Необходимость в подобном исследовании была очевидна: несмотря на почти полувекшную деятельность Курского губернского статистического комитета (представлявшего государственную статистику), полностью отсутствовали данные о точном числе населенных пунктов губернии и количестве их жителей, о разрядах крестьян (безземельные, бездомовые, бесхозяйственные), о промыслах, грамотности, количестве облагаемых налогами земель, численности скота и пр.

В 1881 г. А. Рошток, крупный помещик и первый председатель губернского статистического бюро, впоследствии считавший себя «отцом курской статистики», предпринял попытку сделать примерное статистическое описание двух волостей Курского уезда — Ямской и Дьяконовской. Программа подворной переписи была заимствована у Московского губернского земского статистического бюро. Об итогах проделанной работы был сделан доклад на губернском земском собрании, а сами результаты обследования были опубликованы [Опыт земского сборника..., 1881].

Московский статистик В. И. Орлов помог составить программу статистического обследования Курской губернии и лично принимал участие в подворной переписи крестьянских хозяйств Курского уезда, начавшейся 1 сентября 1882 г. В дальнейшем он рекомендовал молодого, но талантливого статистика И. А. Вернера в качестве руководителя не только переписными работами, но и губернским земским статистическим бюро.

Обращает на себя внимание очень подробная и аргументированная программа земских исследований уездов Курской губернии, разработанная И. А. Вернером. Сначала (на первом этапе исследования) собирались сведения по каждой конкретной сельской общине: число ревизских душ; число наделов и количество надельной земли (по «владельческим» документам); количество крестьян, уходящих на заработки (по паспортной книге); число домохозяев (по страховому списку); общие сведения об аренде земли (по устным опросам в волостных правлениях) и т. д.

Переписной бланк, заполнявшийся каждым домохозяином (или с его слов), состоял из 42 вопросов, подробных и понятных в крестьянской среде, начиная с количества душ мужского пола (вообще и трудоспособного возраста от 18 до 60 лет) и

размера жилой избы и заканчивая числом грамотных и учащихся, количеством рогатого скота (отдельно крупного и мелкого) и причинами его падежа, промыслами, арендой и возможной продажей земли, ценами на землю в каждом случае.

Составлялся также пообщинный бланк по итогам подворного обследования. Опрашивали наиболее «смышленных» крестьян, с их слов уточнялись следующие сведения: 1) расстояние населенного пункта до губернского и уездного центров, железной и шоссейных дорог, школы, церкви, врачебного пункта; 2) наличие торговых и промышленных заведений; 3) способы обработки земель и техника полеводства (есть ли пар, разнополье); 4) способы раскладки податей и повинностей и т. п.

В результате обследования всех 15 уездов Курской губернии в середине 80-х гг. XIX в. земским статистикам удалось собрать и систематизировать колоссальный по объему и разнообразию материал. Данные поездных исследований были опубликованы в период с 1883 по 1885 г. Если в первом из подобных выпусков «Статистических сведений по Курскому уезду» было приведено 77 статистических таблиц, то во втором их насчитывалось уже 125. Начиная с шестого выпуска количество статистических таблиц увеличилось до 135, с восьмого — до 145, а с десятого стали включать и обширные повествовательные данные.

Итоговый труд, включающий статистические итоги подворных описаний крестьянских хозяйств Курской губернии, вышел в 1887 г. В состав сборника были включены следующие разделы: «Население», «Крестьянская аренда земель», «Крестьянские платежи», «Землевладение», «Земледелие и скотоводство», «Арендные и продажные цены земли» и т. п. Все разделы были написаны в текстовой форме, статистические таблицы поездных итогов подворных описаний давались в приложениях. Здесь же были помещены таблицы: «Список заводов, обладающих акцизным сбором»; «Общая сводная ведомость по губернии»; «Поразрядная ведомость по губернии». Но материалов было собрано столь много, что отдельными выпусками были изданы «Промыслы и грамотность центрального района Курской губернии» и «Промыслы» (вып. 2).

Дальнейшие события неоднократно описывались в отечественной историографии и известны как «статистический скандал в Курском земстве» [см., например: Друговской, 1974, 116—132; Сахаров, 1984, 182—186]. И. А. Вернер по решению совета Московского университета был удостоен премии им. Ю. Ф. Самарина за «образцовый труд по статистике, первый и пока единственный». Но в губернии труд И. Вернера не только не оценили, но и признали «вредным» и «опасным». Ситуация была беспрецедентная: итоги статистического исследования, получившие высокую оценку столичных специалистов, в Курском земстве были признаны «не имеющими никакой практической значимости». Об этом «статистическом скандале» писали многие центральные издания тех лет, и смысл многих публикаций сводился к следующему: книга И. А. Вернера заслуживает внимания хотя бы потому, что «удостоена Самаринской премии, а местным земством признана никуда не годной» [Об Общем сборнике..., 1888, 11].

Вернера, отличавшегося леволиберальными взглядами, в губернии критиковали за то, что он неверно понимал суть земской статистики; благодаря его деятель-

ности «задача курских статистиков была не в изучении жизни населения Курской губернии как она есть, а в наполнении цифрами граф, заранее составленных в Москве». По мнению критиков, «все выводы, основанные на таких вычислениях, не заслуживают никакого внимания» [Об Общем сборнике..., 1888, 13].

Труд И. А. Вернера подвергся детальному разбору на заседании Курского губернского земского собрания и был признан «тенденциозным». По мнению земцев, тенденциозность сборника выразилась в том, что статистический материал был обработан в «полемиическом направлении», поэтому превратился из «статистического свода сведений в сочинение общелитературное», поэтому «превратно служит целям науки и требованиям жизни» [Там же, 56].

Резолюция собравшихся была предсказуема: сочинение И. А. Вернера отличается неполнотой фактического содержания, неправильностью и односторонностью, а также произвольностью выводов, поэтому не может служить никаким «ближайшим практическим мероприятиям губернского земства в области его хозяйства», требует полнейшей переработки и дополнительных исследований, так как «на основании единичных фактов им [И. А. Вернером] сделаны неверные выводы в отношении всего крестьянства губернии». Труд И. А. Вернера было решено изъять из обращения, а статистическое бюро при Курской земской управе закрыть. В дальнейшем подобные исследования больше не предпринимались.

Таким образом, традиция проведения местных учетов населения Курского края существовала на протяжении длительного времени и имела свои особенности в зависимости от эволюции общегосударственных обследований. Материалы местных переписей представляют собой комплекс сведений о населении и могут дать представление о реальном количестве жителей региона. При сопоставлении этих данных с результатами государственных учетов можно оценить степень точности и полноты цифровых показателей последних.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг. / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1982.

Борщик Н. Д. Из истории проведения переписей населения в России и в Курском крае до конца XVII века // Переписная книга Курска 1678 г. / Изд. подгот. Н. Д. Борщик, А. И. Раздорский. Курск, 2007. С. 7—18.

Борщик Н. Д. О некоторых проблемах изучения курских переписных книг XVII века // Вестн. ВГУ. Сер. История, политология, социология. 2006. № 2. С. 24—30.

Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции // Уч. зап. Ростов. н/Д фин.-эконом. ин-та, 1941. Т. 1. С. 249—307.

ГАКО, ф. 4, оп. 1. д. 65; ф. Р-967, оп. 1, д. 4э

Друговской Ю. Н. Статистика перед лицом Курского земства // Вопр. Обществ. и соц.-эконом. развития России в XVIII — XIX вв. (по материалам центральных губерний). Рязань, 1974. С. 116—132.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1875. С. 219, 257.

Земские подворные переписи 1880 — 1913 гг.: Поуездные итоги / Сост. З.М. и Н. А. Свамицкие. М., 1926.

Комолов Н.А. Переписная книга города Воронежа как исторический источник // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 12. Воронеж, 2004. С. 70—80.

Курская губерния: Итоги статистического исследования. Курск, 1887.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

Милов Л. В. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования // Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова и др. М., 1986.

Об Общем сборнике статистических сведений по Курской губернии: Крит. разбор соч. г. Вернера. Курск, 1888.

Опыт земского сборника статистических сведений по Курскому уезду за 1881 год. Курск, 1881.

Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. Воронеж, 1998.

Позняков Л. Н. История застройки города Курска // Курский архивист. 1932. № 2. С. 22—35.

Санитарное состояние Курской губернии. Ч. 3. Общие итоги движения православного населения Курской губернии по церковным приходам за 19 лет (1882—1900 гг.). Курск, 1903.

Сахаров М.А. «Статистический скандал» в Курском земстве // Вопр. истории. 1984. № 3. С. 182—186.